

РЕКОРДСМЕН
ПО КОЛИЧЕСТВУ
ЗАБИТЫХ МЯЧЕЙ ГОЛОВОЙ
В АНГЛИЙСКОЙ
ПРЕМЬЕР-ЛИГЕ

ПИТЕР
КРАУЧ

Каково быть футболистом

ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ РАЗДЕВАЛОК И НЕ ТОЛЬКО

Иконы спорта

Питер Крауч

**Каково быть футболистом:
забавные истории из
раздевалок и не только**

«ЭКСМО»

2018

УДК 796.332:929
ББК 75.578

Крауч П.

Каково быть футболистом: забавные истории из раздевалок и не только / П. Крауч — «Эксмо», 2018 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-04-156461-2

Вы становитесь футболистом, потому что любите футбол. Внезапно попадаете в самый странный, самый загадочный мир из всех. Мир, полный радости и тщеславия, щедрости и жадности, переживаний и побед. Пройдемте со мной в раздевалку, и вы узнаете: о самых странных суевериях в футболе, почему у многих миллионеров никогда не бывает геля для душа, и послушаете, что говорит Криштиану Роналду, глядя на себя в зеркало. Вы проживете жизнь звездного игрока: будете давать послематчевые интервью, разыгрывать и бесить тренеров, выставлять себя дураком в соцсетях. Будет очень много забавных историй и плохих решений. Я — Питер Крауч. И я объясняю, каково быть футболистом. А вам не все ли равно? В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 796.332:929

ББК 75.578

ISBN 978-5-04-156461-2

© Крауч П., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

О книге	5
Об авторе	6
Пролог	7
Раздевалки	9
Суеверия	14
Автомобили	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Питер Крауч

Какowo быть футболистом: забавные истории из раздевалок и не только

О книге

Ты становишься футболистом, потому что любишь футбол. И когда ты им становишься, то внезапно оказываешься в самом странном, самом непонятном из всех миров: в мире, где один твой товарищ по команде ходит на тренировки в ярко-красном костюме с такого же цвета цилиндром, тростью и очками без стекол, а у другого так много спортивных автомобилей, что он забывает свой Porsche на вокзале. И это притом что его фамилия – прямо на регистрационном знаке.

Я приглашаю тебя проследовать за мной в раздевалку и узнать, кто из игроков отказываются прикасаться к футбольному мячу перед игрой, почему у множества футболистов-миллионеров нет геля для душа и что Криштиану Роналду бормочет себе под нос, стоя перед зеркалом.

Об авторе

Начнем вот с чего: да, я очень высокий, нет, погода здесь, наверху, не особенно отличается, и нет, я не играю в баскетбол. Рад, что у меня с ним не сложилось.

Двадцать лет я профессионально играл в футбол, на моем счету 42 матча за сборную Англии, я забил более 100 голов в Премьер-лиге и являюсь ее рекордсменом по количеству голов, забитых головой.

Я выступал за несколько клубов, включая «Куинз Парк Рейнджерс», «Портсмут», «Астон Вилла», «Норвич», «Саутгемптон», «Ливерпуль», «Портсмут» (еще раз), «Тоттенхэм Хотспур», «Сток Сити», и за сборную Англии.

Мои команды выходили в высший дивизион, вылетали «в Чемпионшип», выигрывали трофеи, а бывало, я месяцами не забивал голов. Меня покупали, продавали, отдавали в аренду и оскорбляли – но я просто обожал почти каждый момент всей этой жизни.

Пролог

Я мечтал стать футболистом. Всегда. Не баскетболистом, о чем меня спрашивают ежедневно, и не кровельщиком, который сможет обойтись без стремянки, и не работником зоопарка, чтобы разговаривать с жирафами лицом к лицу. Скоро мы к этому вернемся, а пока – нет, погода здесь, наверху, точно такая же, спасибо, что спросили.

Рад, что мы все прояснили. Итак. Ты становишься футболистом, потому что любишь футбол, потому что все детство отработывал «ножницы» на теннисных кортах в местном парке, потому что смотрел чемпионат мира по телевизору и влюбился в голы, форму, страсть и волнение, и в гимн команды с вкраплением рэп-битов. Ты становишься футболистом, потому что не опускаешь руки, даже когда футбольный директор вновь сдает тебя в аренду клубам пятого дивизиона и ниже, а твое первое появление на поле встречают смехом и криками: «Урод! Урод! Урод!» или «А в цирке знают, что ты здесь?», и, уходя на перерыв, ты видишь, как твой отец врукопашную бьется с толпой болельщиков, которые оскорбляли его сына прямо у него на глазах. Ты становишься футболистом, потому что умеешь обрабатывать мяч куда лучше, чем можно ожидать от парня твоего сложения, и с лёта отправляешь его так далеко, что скептики наконец понимают, зачем команде парень такого размера, и в итоге учишься играть головой так хорошо, как, по мнению окружающих, ты и без того должен бы уметь. Ты становишься футболистом, потому что любишь футбол.

А будучи футболистом, ты неожиданно попадаешь в самый странный, самый смешной, самый непонятный из миров, мир, где один товарищ по команде является на тренировку в ярко-красном костюме с такого же цвета цилиндром, тростью и очками без стекол, а другой паркует возле ночного клуба арендованный Ferrari и весь вечер валяется на капоте, на виду у выходящих из клуба девушек. В этом мире игроки покупают машины настолько большие, что не знают потом, где их припарковать, а бывает, у них столько спортивных автомобилей, что они попросту забывают о Porsche, оставленном на вокзале, хотя на его регистрационном знаке стоит их фамилия.

А ты смотришь на них и пытаешься все это переварить. Вот игрок набивает себе татуировку в виде шимпанзе в очках и наушниках Beats by Dre, целующего дуло пистолета. А твой товарищ по команде, готовясь к серьезной игре, каждый раз приносит одни и те же четыре блюда в пакете Tesco. Или нападающий оставляет твит, а затем отвечает на него, как будто комментирует сообщение незнакомца, и таким образом говорит сам с собой на виду у всего мира.

Последние 20 лет я наблюдал, как меняется футбол. Я завоевывал путевку в высший дивизион, я вылетал в дивизионы ниже, я выигрывал большие трофеи и не забивал голов месяцами, я представлял свою страну на чемпионатах мира, меня покупали, продавали, сдавали в аренду, оскорбляли. Кажется, теперь я неплохо понимаю, как все устроено: тактика, трансферы, работа с брендами, тусовки, вечера славы, дикие загулы и периоды упадка, когда не можешь забить даже в двух метрах от ворот, хотя вратарь лежит на спине позади тебя.

Я наделал ошибок. Нет, у меня нет никаких татуировок, но скорее потому, что все мои конечности слишком узки, чтобы расположить на них видимое изображение. Но я покупал нелепые машины, вплоть до знаменательной встречи с Роем Кином. Я ходил в ужасные ночные клубы, слушал там музыку, которую ненавидел, и делал это до тех пор, пока в Айя-Напе не получил незабываемый урок. Я покупал одежду, которая стоила дороже промышленных швейных машин, пошивших ее. И хотя я не таскал с собой сумку Louis Vuitton, в которой лежал бы мой личный фен, но был очень близок к этому.

Я хочу перенести вас в этот мир – минуя вышибал, туда, за бархатную веревочку, где царит безумие и веселье, кипит странная жизнь футболиста. Я предлагаю вам прокатиться со мной в командном автобусе и узнать, какие там действуют правила; заглянуть домой к футбо-

листам и попытаться понять, почему ни один из них нынче не обходится без оранжереи; отправиться вместе на тусовку, где незнакомцы заставят меня исполнять танец Робота, а товарищи по команде будут расхаживать в кепках, хоть это запрещено, и в солнцезащитных очках, хотя мы в ночном клубе и здесь и так достаточно темно.

Мы побываем в раздевалке и выясним, кто из игроков отказывается трогать футбольный мяч перед игрой, почему у миллионера нет геля для душа и что Криштиану Роналду говорит себе, стоя перед зеркалом. Притаимся у дальней штанги, чтобы выяснить, как лучше всего отправлять мяч в угол – прямо под перекладину головой или ударив с полулета внешней стороны стопы, – если он летит чуть позади тебя. Послушаем, как победить конкретного защитника, почему не стоит злить выдвинутого на тебя крайнего защитника и почему этот вратарь действительно самый странный человек, с которым тебе приходилось делить штрафную.

Мы отправимся на пресс-конференцию после матча, подурочимся в социальных сетях и постараемся больше никогда не платить 250 фунтов за стрижку, которая стоит от силы десять. Харри Реднапп будет тренировать и обхаживать нас, мы расстроим Рафу Бенитеса неудачным выбором куртки, а Торд Грип станет успокаивать нас игрой на аккордеоне. Нас ждет море плохой музыки и плохих решений.

Но это будет самое удивительное и веселое приключение. Ничего подобного вы еще никогда не видели и не читали. Я Питер Крауч. Это книга «Какое быть футболистом». Начнем?

Раздевалки

Пойдемте со мной внутрь футбола. Мы проникнем во все секретные места, включая внутреннее святилище футболистов.

Раздевалка. Шестнадцать игроков, тренер, все помощники, медицинский персонал. И главный человек, обладающий всей полнотой власти, – администратор по экипировке.

Как только он выбрал для тебя крючок – точка! Каждый домашний матч тебе выделяется одно и то же место. В каждой раздевалке на выезде порядок игроков будет одинаковым. И только попробуй сесть на другое место – разразится скандал: зачем ты это делаешь и почему пересел именно сейчас, перед началом игры, которую мы обязаны выиграть?

За системой администратора по экипировке стоит метод. Ты можешь оказаться среди приятелей, либо соседство формируется по позициям: нападающий со своим напарником, центральный защитник с центральным защитником, в самом конце – голкипер, сам по себе. В раздевалке на домашнем стадионе каждый шкафчик пронумерован и снабжен фотографией хозяина с «поля боя». Лучше всего выбрать такую, на которой ты забиваешь гол, выглядишь победоносно, героически. Бросил взгляд на такое фото перед выходом на поле – и будто кто-то похлопал по спине, показал два больших пальца вверх, как бы говоря: «Тебе это по плечу, здоровяк».

Раздевалка на стадионе отличается от раздевалки на тренировочной базе прежде всего тем, что атмосфера на стадионе куда серьезнее. Перед матчем вы собираетесь на базе, забираете тренера, привозите на стадион – и веселье прекращается. Входя в раздевалку, ты думаешь: ради этого все и затевалось, целая неделя тяжелой работы и в дождь, и в холод, часы тренировок в парке после школы в детстве, правильное питание, регулярная растяжка и силовые тренировки в зале, ранние отбои. Очень ранние. Даже по выходным.

Если матч начинается в 15:00, на стадионе нужно быть в 13:30. Кому-то из парней делают массаж, кто-то слушает свою музыку. Я обычно читаю программку от корки до корки и выискиваю что-нибудь забавное на ее страницах, чтобы прочитать ребятам. «Эй, только послушайте, что капитан написал в своей колонке на этой неделе! А, у тебя массаж. Я и забыл, что общаться друг с другом больше не модно». В раздевалке стоят столы с водой, кофеиновыми шотами, энергетическими гелями, банками «Ред Булл», упаковками жевательной резинки. Раздают леденцы «Джелли Бэбис». «А ну, убери-ка руки от черненьких, ты ведь знаешь, они мои любимые».

В мое время лучшая раздевалка находилась в Хайбери. Знаменитые мраморные залы этого стадиона поражали воображение. А оказавшись в раздевалке гостей, ты чувствовал под ногами теплый пол. Впервые в жизни! Такое просто сносит башку. «Боже мой! Пацаны! Пол реально горячий!» Мы отшвыривали клубные шлепанцы и в изумлении ходили босиком. Теперь, конечно, теплый пол встречается в большинстве футбольных раздевалок. Как и отопление. Но тогда это казалось восьмым чудом света, чудом профессионального футбола. «Так вот он какой, этот “Арсенал”...»

Эмирэйтс, их новый стадион, сейчас великолепен. Домашняя раздевалка на «Уэмбли» огромна. Можно сказать, что и «Астон Вилла» по-прежнему серьезный клуб, судя по размеру их раздевалок. Повсюду ковры.

На старых стадионах встречаются странные выездные раздевалки: на базе «Фулхэма» выездная раздевалка располагается в угловом флигеле стадиона, являющегося памятником архитектуры. Она крохотная. На «Энфилде» раздевалки настолько компактны, что слышны крики игроков другой команды, а еще там чудовищные старые душевые. Раздевалка на Лофтус Роуд у «КПР» тесная и пропускает шум с трибун. На «Энфилде» я обычно оглядывался по сторонам, в удивлении думая о том, какие легенды прошлого сидели тут же, где теперь сижу я,

чье пальто висело на крючке. Жаль, они не вырезали свои инициалы на деревянных шкафчиках, как это делают в школе. В раздевалке сборной Англии в Твикенхэме у каждого места висел список известных игроков, которые блистали в той же позиции, в какой теперь выходишь на поле ты. Я бы с радостью носил такой на себе. Сейнт Джон, Киган, Далглиш, Раш, Воронин.

У старых раздевалок свой шарм. Современные раздевалки стали «умными», но они такие банальные. Например, те, что мы использовали на новых стадионах в Германии, построенных для чемпионата мира 2006 года, были удобными, но бездушными, неотличимыми друг от друга. Эталоном для меня стала раздевалка на стадионе «Джайентс» в Нью-Джерси, где летом 2005-го я дебютировал в составе сборной Англии. Для каждого игрока там имелись своя будка размером с приличную ванную комнату и кресло фирмы «Лэ-Зи-Бой». После игры так не хотелось оттуда уходить! Я думал, вот бы взять попкорн и пересмотреть основные моменты нашего победного матча со сборной Колумбии, которую мы разгромили со счетом 3:2.

Большие раздевалки на матчах Лиги чемпионов заставляют чувствовать себя гладиатором. «Сан-Сиро», «Бернабеу», «Камп Ноу» – на всех этих стадионах раздевалки расположены под землей, и, переодеваясь, ты каждой клеточкой ощущаешь шум наверху, слышишь свист во время разминки, и когда через несколько минут ты медленно поднимаешься на поле, тебе кажется, будто ты взбираешься в неистовый котел ненависти. Помню, как, глянув вниз, увидел, что волосы на моих ногах стоят дыбом. Болельщики прыгают на трибунах, из-за чего вода в чашках на столе в раздевалке дрожит, и руки не слушаются, когда пытаешься надеть майку.

Если что-то идет не так, хуже места, чем этот стадион, не придумаешь. Когда меня удалили на «Бернабеу» после 14 минут в ничейном матче Лиги чемпионов между «Шпорами» и «Реалом» в апреле 2011 года, я шел в раздевалку по пути от утомительного шума до жутчайшей тишины. Восемьдесят тысяч ревели и кричали снаружи, а я был сам по себе, самый одинокий человек в самой оживленной части всего города. Слишком много времени наедине со своими мыслями, слишком много эха, не перед кем извиняться и некого обнять. В мозгу пульсирует одно и то же: какого черта я сделал? И тут безумный рев наверху – это гол, вот дерьмо, слишком уж громко, чтобы это был наш гол. «Черт, черт, черт, это моя вина...»

Но когда все идет как надо, этот стадион – словно лучший бар в городе, неожиданно появившийся клубешник, где все одинаково пьяны и счастливы, и все становятся лучшими друзьями. Вечеринка на «Сан-Сиро» после того, как я забил победный гол «Шпор» против «Милана» в Лиге чемпионов 2011 года, раздевалка «Энфилда» после того, как мы обыграли «Челси» по пенальти, выиграв полуфинал Лиги чемпионов 2007 года... лучшие ночи, которые только могут быть у футболиста, и это были ночи в окружении грязных шорт, вонючих носков и маек, разящих потом, а повсюду трясут и распыскивают пиво, едят, танцуют, прыгают, поют, и эй, полегче, мы сегодня спать не ляжем, пока солнышко не поднимет свою голову.

Единственный лучик света в поражении «Ливерпуля» от «Милана» в финале 2007 года заключался в том, что после финального свистка меня сразу же повели на допинг-тест. Я прошествовал прямо через раздевалку в маленькую кабинку, где провел, казалось, целую вечность, пытаясь выдавить из себя хоть каплю после всей этой беготни в жаркий афинский вечер. Если бы мы выиграли, состоялась бы величайшая футбольная вечеринка за всю мою карьеру, увенчавшая не только наши грандиозные коллективные усилия в этом сезоне, но и все мои надежды и мечтания среди тяжелых трудов с пятилетнего возраста. И я мог бы ее пропустить. Нет, лучше уж схлопотать шестимесячный бан и после объяснять всем: посмотрите на мое телосложение, ясно же, что я таким уродился, а той ночью я обязан был поливать пивом Стивена Джеррарда и опрокинуть бочонок холодной воды на Рафу Бенитеса. Иначе что бы мне осталось? «Папа, что ты делал вечером, после того как выиграл самый главный трофей в клубном футболе?» – «Я сидел без трусов перед незнакомцем с планшетом и отчаянно заставлял себя думать о точной воде».

Наверняка вы слышали байки о том, как команда пытается подпортить жизнь команде-сопернице и портит что-нибудь в гостевой раздевалке. Все это, конечно, случилось – увеличивали температуру настолько, что игроки превращались в сонных мух еще до старта, отключали горячую воду, и душевые промерзали, приносили чай с таким количеством сахара, что его невозможно было пить и после одного глотка тебе требовался стоматолог. В Ротереме мы переодевались в вагончиках и после шли на стадион через улицу. Сегодня соперники пытаются убить друг друга комфортом. Роскошные номера, каждое сиденье мягчайшее, восхитительный душ, туалетные принадлежности марки Molton Brown (если играешь на стадионе «Стэмфорд Бридж»). Ты словно находишься в мужском спа-салоне. И только почувствуешь, что готов к пилингу лица, окажется, Гари Кэхилл пытается отдавить тебе лодыжки.

Я до сих пор не привыкну, что общие ванны сгинули навсегда. Когда я начинал, после матча мы все вместе отправлялись на процедуры, это считалось важным элементом игры. Мы набивались в ванную, обнаженные и покрытые грязью, вдоволь дурачились и плескались. Сейчас, когда от этой традиции отказались, она кажется даже странной. Шутка ли, сидеть вместе в грязной воде. Всплывают чужие пластыри, к тебе прилипают куски травы и грязи непонятного происхождения. Так и представляю, как кто-то пытается предложить эту идею молодым ребятам в наше время. Они решат, что ты сошел с ума или издеваешься.

Совместные ванны убила наука. Выяснилось, что жара вредит уставшим ногам. Лучше всего после матча опускать ноги в ледяную воду, это значительно ускоряет процесс восстановления. Но мне кажется, лишившись ванн, мы потеряли кое-что важное. Они были глубокими, очень глубокими, такими, чтобы поместились мы все. Мы были там вместе, и в нас креп дух товарищества. Недаром Римская империя родилась из общественных бань. Они сплывают. В бане, построенной для всех, все равны.

Классическое фото команды после финала Кубка Англии: 13 мужчин сидят в грязной воде, половина курит, остальные пьют молоко прямо из стеклянных бутылок. А вот на другом снимке Бобби Чарльтон и Бобби Мур сидят с горьким пивом. Ну разве не здорово? Словно водный паб. От сосков вверх – холостяцкая вечеринка, от сосков вниз – очень странный ночной клуб.

Теперь, конечно, все пользуются душем. В самых больших раздевалках, как на Уэмбли, их 15 штук. Правда, планировка открытая, а не как в шикарнейших спортзалах – отдельные кабинки. Также на стене нет диспенсеров с гелем для душа. Ожидается, что футболисты принесут свой, ведь почти все прочие условия им и так предоставлены. Но чаще всего про гель мы забываем, и дело заканчивается тем, что приходится передавать друг другу крошечную упаковку с гелем из отеля, которую кто-то догадался прихватить с собой, выжимая из нее все более жалкие капли. Исключение, если команда останавливается в Malmaison. Те из вас, кто имел удовольствие останавливаться в Malmaison, наверняка заметили, какого размера их бесплатные гели и шампуни – они не кончатся и за семь дней. Как они только до сих пор не разорились! После ночи в Malmaison мы наперебой спрашивали друг друга: «Кому-нибудь нужен кондиционер? Нет?»

Полотенцами заведует опять же администратор по экипировке. На каждом полотенце указан командный номер игрока для идентификации, правда, в результате тебе может достаться очень и очень старая тряпка, бывшая в ходу уже много сезонов. Мое последнее полотенце в «Стоке» находилось в обращении в течение шести лет. Оно напоминало скорее дырявую ветошь, нежели полотенце, а там, где не было дырок, все нитки были растянутыми. Пришлось обратиться к соответствующему сотруднику нашей команды и указать ему на это. Я не дива, но после душа хочется все-таки вытереться насухо.

Главные недостатки раздевалок – туалеты. Только представьте. По утрам здесь собирается тридцать парней, которые пришли из дома, выпив по дороге кофе. В «Стоке» всего три туалета. Выходит, прямо скажем, печальное уравнение. Да и их месторасположение оставляет

желать лучшего: уборные открываются прямо в раздевалку. Аромат варварский. Нет даже маленькой прихожей или коридора, который выполнял бы роль шлюза. В общем-то наши туалеты – единственная причина, по которой я рад, что Роберт Хут ушел из команды. Он огромный немец с большими немецкими аппетитами. Выводы можете сделать сами. В наших кабинках воняло так, что иногда я отправлялся наверх, чтобы воспользоваться туалетом в приличном коридоре. Маленький оазис посреди этой клоаки.

Главные плюсы – еда. После выездного матча в раздевалке всегда есть чем перекусить, и тут снова лидирует «Арсенал». Пицца – повсеместный стандарт, но стандарты «Арсенала» немного выше всех остальных. Они практически мастера перекусов. У команд вдоволь куриных крылышек, картофельных долек и всякой прочей запрещенки, которой особенно хорошо поживиться в первый критический час после игры, потому что поесть в этот момент куда важнее того, чем именно ты набьешь рот. А чем вкуснее еда, тем легче ее есть. Отыграв все 90 минут, футболист часто ощущает тошноту и будет рад любой помощи. Если он провел матч на скамейке и не играл, то, вероятно, будет очень голоден, ведь он не ел те же пять часов, только без интенсивных нагрузок, взбалтывающих кишки. Забавно смотреть на трех парней, весь день просидевших в запасе, буквально пожирающих целую серию гигантских пицц «Маргарит».

В перерыве товарищи по команде зачастую ругаются – не из-за последнего куса пиццы, разумеется, а если кто-то допустил серьезную ошибку в первом тайме или не отследил своего оппонента. На самом деле это неплохо. В раздевалке можно безопасно выплеснуть весь накопившийся гнев до начала второй половины игры. Однажды я видел, как в перерыве Стивен Н'Зонзи и Джон Уолтерс всю метелили друг друга, а затем вышли на поле вместе и отлично отыграли второй тайм. После оба получили хороший втык, но их конфликт – яркий показатель, что обоим не все равно. Куда хуже, когда к перерыву вы проигрываете 2:0, а в раздевалке никто и слова друг другу не скажет, будто игрокам без разницы, выиграет команда или потерпит фиаско.

Раздевалка – известное место приколов и шуток. Когда я играл за «Тоттенхэм», у нас была предсезонная игра с «Брайтоном». По пути на матч наш молодой полузащитник Джейми О'Хара рассказывал всем о своем новом контракте: 15 тыс. фунтов стерлингов в неделю весьма прилично для игрока, только делающего себе имя. В первом тайме мы отыграли ужасно. Мы забрались в раздевалку, и Харри Реднапп нереально на нас напустился: «Что вы, черт возьми, как развалюхи. Бесплезная кучка бездельников!» Он ткнул пальцем в О'Хару: «Этот паренек – единственный, кто вкалывает. Тебе-то, тебе и тебе платят большие деньги, а он получает всего пять кусков в неделю!»

Все сидели опустив голову, боялись встретиться взглядом с тренером. В конце концов он иссяк и выбежал из раздевалки. Повисло долгое молчание. А потом Джонатан Вудгейт разрядил атмосферу. Я поднял глаза и увидел, что он улыбается, и подумал, как он может смеяться сейчас? А он ткнул пальцем в Джейми и вскричал: «Ах ты маленький лжец! Кто говорил про пятнадцать тысяч в неделю?» И дело не в деньгах, на них нам было плевать. Дело было в том, что этот засранец напел нам с три короба.

Раздевалка считалась убежищем. Обо всех драках и розыгрышах, происходивших здесь, не должен был знать никто за пределами команды. Помощник тренера стоял у двери, придерживая ее на случай, если судья захочет войти, пока главный тренер внушает своей команде, чтобы те выбили дух из главного игрока команды соперника; он не пускал парня с чайником, если два игрока вцепились друг другу в горло. Сейчас все, конечно, меняется. У «Манчестер Сити» появился Туннельный клуб на «Этихаде»; естественный прогресс, не удивлюсь, если следующие СМИ, согласившиеся приобрести права на телевизионную трансляцию, потребуют доступ еще глубже внутрь дома.

Я понимаю. Ведь самая большая мечта болельщика – войти в это последнее святилище. Но даже самое спланированное вторжение на поле, скажем, после выхода команды в более

сильный дивизион или выигрыша трофея, не поможет вам попасть в раздевалку. Это особое место.

Как-то я играл в матче ЮНИСЕФ на «Олд Траффорд», вместе с половиной игроков «Юнайтед», взявших трофей в 1999 году, и тренером сэром Алексом Фергюсоном. Я стоял в одном ряду с Райаном Гиггзом, обоими Невиллами, Полом Скоулзом и Дэвидом Бекхэмом. Когда сэр Алекс проводил с нами предыгровую беседу, я сознательно встал так, чтобы видеть только парней из «Юнайтед», и на мгновение представил, что был с ними там, в 99-м, возможно, до дополнительного времени на полуфинале Кубка Англии против «Арсенала», а может быть, и перед финалом Лиги чемпионов против «Баварии» на «Камп Ноу».

Я вообще не фанат «Юнайтед». Никогда им не был. Но то, чего они добились как команда, вызывает огромное уважение. И вот я стоял среди них и думал: как это странно и как безумно прекрасно – все то, через что они прошли. И что я сам испытал на собственной шкуре. И что мало кому доведется когда-нибудь пережить.

Суеверия

Однажды мне рассказали, что многократная победительница «Большого шлема» Серена Уильямс – возможно, величайшая теннисистка всех времен, микс крутого таланта, производительности и стрессоустойчивости – имеет одну удивительную манию: она отказывается менять носки во время турнира.

Две недели и семь матчей «Шлема» – многовато для одной пары носков. Кажется, такого просто не может быть, но оттого люди лишь охотнее верят в эту легенду. Суеверия по определению не имеют смысла, так почему бы и этому не быть правдой?

Показательная история. Есть растиражированная байка – я говорю «байка», хотя, по сути, это уже настоящий мем, прямо-таки баннер, популярная надпись на футболке и источник бесконечных спекуляций для СМИ, – байка, которую можно озаглавить: Крауч ест свои начос.

Байка начинается так. Пошел я, мол, в кино, а у буфета длиннющая очередь. Не останавливаясь, я проталкиваюсь прямо к стойке, в упор смотрю на продавца и как гаркну: «Начос!» Ни тебе «пожалуйста», ни «извините» всем этим голодным клиентам, которых я обошел. По одной из версий я даже не расплатился. В общем, после того как меня обслужили, я поворачиваюсь к очереди и, никуда не уходя, набиваю рот чипсами и жую их с абсолютно безучастным выражением лица. Сзади доносится крик: «Что ты делаешь, Крауч?», а я произношу роковую фразу: «Крауч ест свои начос!»

Я хорошо отношусь к начос. Порой, проходя в кино, я действительно их покупаю. Но проталкиваться вперед очереди? Никогда! Встать на проходе и есть, мешая все той же очереди? Да за кого вы меня принимаете? Весь смысл покупки еды в кинотеатре состоит в том, чтобы взять ее в зал. Кто приканчивает целую коробку начос в фойе? И наконец, величайший грех из всех – говорить о себе в третьем лице! Все это точно не ко мне.

К сожалению, правда не имеет значения. Мне присылали фотографии людей в футболках с надписью «Крауч ест свои начос». Баннеры с этой надписью вывешивали на стадионах. Как минимум раз в неделю кто-нибудь да отправлял мне в Твиттере картинку с начос и ухмыляющийся смайлик.

Может быть, то же произошло и с Сереной. Она все время носит носки одной и той же фирмы; вероятно, на некоторых из них есть не отстирывающиеся пятна от травы и грязи. Неудивительно, что в СМИ полно фотографий, на которых она в грязных носках, и вот кто-то заметил это и решил, что Серена не меняла носки с тех пор, как десять дней назад вчистую обыграла стодвенадцатую ракетку мира. Поэтому, взявшись за суеверия футболистов, я расскажу лишь о тех, которые видел собственными глазами. Или, как в случае с Шоном Дерри, слышал своими ушами и нюхал собственным носом.

Перед каждой игрой Дерри обязательно жалуется на тошноту. И его обязательно рвет – уж можете поверить, если бы не нервы, он бы обязательно сунул два пальца в рот и сделал всю работу сам.

Эта его привычка действительно испортила всю атмосферу раздевалки в «Портсмуте». Грэм Рикс или Харри Реднапп как раз толкали перед нами мотивационную речь, напряжение нарастало, мы сидели в полной тишине, как внезапно из туалета донеслось оглушительное: «УРРХХХ...»

Мы уже научились предвидеть это: только кто-нибудь спохватится, мол, где Дерри, и тут же раздастся неистовый рев, словно мимо нас проехал мотоцикл без глушителя. Я человек широких взглядов; делай все, что работает для тебя. Если бы меня стошнило перед игрой, я был бы слаб как котенок следующие несколько часов. Но ведь бывают осторожные тошнотики, стесняющиеся своего недуга, они уходят в тихий уголок. Наш Шон Дерри был не из таких.

Что до Харри Реднаппа, у него был бзик на галстуках. Если мы выигрывали, на следующий матч он являлся в том же самом галстук. Если эту игру мы проигрывали, он возвращался к ранее неудачному и пытался снова. Его настойчивость восхищала.

В «Саутгемптоне» был период, когда он носил по-настоящему жуткий «победный» галстук: на темном фоне пестрели мелкие красные собаки. Мы выдали несколько хороших игр, так что Харри оставался верен своему нелепому аксессуару. Если мне не изменяет память, он был в нем, когда мы переиграли «Ливерпуль» дома и «Мидлсбро» в гостях. Может, все дело и правда было в галстук? Как-то один из парней сказал Харри, что его галстук ужасен. Харри покраснел от ярости и ответил, что его подарил ему внук. В общем, если команде галстук и принес удачу, то игроку, который целую неделю старался не попадаться Харри на глаза, совсем не повезло.

Правда, силы галстука все-таки оказались не безграничными; в том сезоне мы вылетели. И ни один из предыдущих успехов его не спас. Как только мы начали проигрывать, Харри снял свой галстук, и больше мы его не видели. Может, в других клубах он еще появлялся. В жизни Харри команд было наверняка больше, чем галстуков, так что их повторное использование проистекало из практической необходимости.

Не стоит искать смысл в суевериях. Перед играми за сборную Англии Джон Терри в раздевалке отказывался трогать мяч ногами. Если мяч приближался к нему, он выходил из себя и тут же задирал вверх обе ноги, будто по полу бежала мышь. Хочу подчеркнуть все безумие этого факта: он же футболист. Его карьера, его сущность, вся его жизнь связаны со взаимодействием мяча и ног. Порой я ловил себя на том, что сознательно отправлял мяч в его сторону, просто чтобы увидеть его реакцию.

У меня есть и свои суеверия. Раньше все было намного хуже, чем сейчас, но мне пришлось себя поумерить. Слишком уж глупо выглядело. Суеверий стало так много, что я порой забывал, что должен делать дальше. Их до сих пор много: майка должна быть с длинным рукавом всегда, независимо от погоды (в жаркий день на летнем турнире можно засучить рукава); при рукопожатии перед матчем я прыгаю как можно выше, стремясь в новый слой атмосферы, бегу на месте, а затем наклоняюсь, чтобы завязать шнурки на правой бутсе. Мой папа тем временем исполняет свой ритуал: один и тот же кофе из того же кафе, тот же обед перед матчем, если, конечно, он не ошибется. Когда мы проигрываем или я упускаю явный голевой шанс, отец винит в этом себя. Позже мама обязательно скажет: «Извини, Питер, он говорит, что перепутал палатку с гамбургерами в перерыве и пошел не в ту».

Зачастую суеверия проистекают из определенной логики. Я стал проверять шнурок, потому что как-то подумал: а вдруг при ударе с меня слетит бутса? И вот я хорошенько завязываю шнурки, классно играю и забиваю голы, и в какой-то момент я уже не могу без этого ритуала. Кажется, что его невыполнение слишком уж большой риск. Футболисты – существа привычки. Если ты таким образом сыграл 600 игр, последнее десятилетие – в Премьер-лиге, забивал голы в финальной серии чемпионата мира, то зачем что-то менять?

Меня утешает лишь, что мои суеверия, по крайней мере, практичны. Мой бывший напарник по «Шпорам» Бенуа Ассу-Экотто был очень странным человеком. Какие атрибуты молва приписывает современным футболистам? Татуировки, Дрейк в MP3-плеере, одержимость игрой и завоеванной на поле популярностью. Бенуа же не только не интересовался футболом, но искренне не любил его. Он не знал многих футболистов – не был с ними знаком, даже имен не помнил. Сидим мы с ним на Уайт-Харт-лейн в 13:30 в субботу, а он не знает, с какой командой мы играем через полтора часа. «Но Бенуа, мы всю неделю только о них и говорили на тренировках...»

Перед матчем Бенуа всегда ел одно и то же. Нынче среди нас нет рискованных парней: последние 20 лет перед игрой все поглощают макароны и курицу без соуса. Это чистое топливо, а не удовольствие, но приходится мириться. Бенуа же не беспокоился ни о чем. В раздевалке

он появлялся с сумкой Tesco, в которой неизменно лежали круассан, растворимый горячий шоколад, обычная кола и пакетик чипсов.

Круассаны я еще могу понять. У Бенуа франко-камерунские корни. С горячим шоколадом такая же культурная история. Обычно Бенуа поедает круассан, макает его в шоколад. Но только подумать, еще и чипсы с колой! Он словно бы приносил два разных обеда, один отнятый у парижанки средних лет, а другой – у 12-летки на лондонской улочке Севен-Систерс-роуд.

Однако его подход работал. Он всегда был в отличной физической форме и крайне редко получал травмы. Мы принимали эту его особенность вместе со всеми остальными странностями: случайными машинами, на которых он появлялся на тренировках, – то крохотный «Смарт», то «Ламборджини», затем «Форд Фокус» и, наконец, старый «Кадиллак» с большими задними стабилизаторами; и как он отказывался принимать ледяные ванны для восстановления, резонно заявляя, что они «слишком холодные».

Когда легендарный камерунский нападающий Самуэль Это'О решил отметить выход своей команды в финальную часть чемпионата мира 2010 года и купил каждому из своих товарищей дорогие часы, Бенуа, также игравший за сборную, отказался их принять. «Никто не покупает мне часы. Если я захочу часы, я сам себе могу их купить».

Представляю себе лицо Самуэля, когда Бенуа ему отказал. Конфуз, негодование. Самуэль действовал из лучших побуждений, и тем удивительнее гнев, с которым Бенуа встретил его подарок: «Ты что? Не оскорбляй меня, я не возьму эту хрень...»

Что до моих странностей, я не разминаю икры перед игрой. Все началось, когда я был подростком и принимал креатин в попытке добавить немного веса своему худосочному телу. Креатин обезвоживает, поэтому то и дело мои мышцы сводило ужасной судорогой. Но я винил в происшедшем не креатин, а предматчевую разминку, хотя именно она помогает избежать судорог. И вот я такой думаю, знаете что, а перестану-ка я разминать ноги.

В то же время я прекратил принимать креатин. С тех пор у меня не было ни единой судороги. Честно говоря, мои икры и до того не слишком уж страдали. Как бы то ни было, с той поры у меня не было и серьезных травм. Так зачем рисковать? Поэтому, когда нам велят разминать икры, я вместо этого разминаю колени. Логика футболистов.

Одно время у меня были счастливые трусы. Эбби, моя жена, подарила их на Рождество. Классические боксеры зеленого цвета, дополненные надписью «СЧАСТЛИВЫЕ ТРУСЫ». Могут ли трусы сами решать, счастливые ли они, или это зависит от того, кто их носит? В любом случае, я забил за «Ливерпуль» в первом же матче, в котором надел их, и продолжил их носить, продолжая забивать. А однажды я забыл про них, и бедняги целую неделю провалялись в сумке, отчаянно пытаясь сверкнуть мне своей зеленой магией перед матчем. И внезапно я перестал забивать.

Я очень боялся, что кто-нибудь заметит их в раздевалке. Я предпочитал держать свою удачу в тайне. Теперь мне кажется, что не стоило так уж скрываться. А еще, возможно, не стоило их стирать. Вероятно, частички волшебства испарялись каждый раз, как трусы попадали в стиральную машину. Надо было стирать их хотя бы на деликатном режиме, при низкой температуре или и вовсе руками. А может, они продавались с несколькими кусочками удачи словно сим-карты с лимитом звонков, и те отпадали по мере использования. Наверняка зеленые трусы и сейчас лежат в каком-нибудь шкафу дома, но теперь они бесполезны. Надо было спросить Эбби, где она их взяла, и раздобыть себе другую пару. Хотя мне больше нравится думать, что она купила их у таинственной старухи в черном плаще и остроконечной шляпе. В самом деле, ну не в сувенирном же отделе «Marks & Spencer»?

Эбби не знает о волшебном эффекте своего подарка. Она в принципе не интересуется футболом, хотя ее отец всю жизнь был заядлым болельщиком «Ливерпуля» и присутствовал на всех пяти победных финалах Кубка Европы; а вот жена вполне способна написать мне в субботу в 14:45 и спросить, где я.

И мне это нравится. Это значит, что я могу отключиться от футбола, вернувшись домой. Однажды я попал в перекладину ударом с двух метров. Я был раздавлен. Дома Эбби спросила меня, что случилось; когда я рассказал ей, она совершенно искренне восхитилась: «Перекладина? Такая сложная цель! Любой мог попасть в сетку – это легко, она же прямо перед тобой. А тебе удалось попасть в это место прямо над головой, да еще и в касание. Вот это да!»

Как тут не вспомнить моего бывшего товарища по команде, который, вернувшись домой после того, как заработал пенальти в свои ворота, обнаружил жену на кухне с перекошенным от гнева лицом. «О чем ты думал, идиот? – кричала она, потрясая кулаками. – Сколько раз я тебе говорила: оставайся на ногах! Вынуждай его уйти к боковой линии, не бросайся в подкат!» А затем она схватила его за грудки и стала показывать, как он должен был расположить свое тело, где должен был находиться, вытолкнув его из кухни в гостиную.

В плане суеверий болельщикам сложнее, чем игрокам. Игрок, по крайней мере, может в прямом смысле влиять на игру. Фанат может надеть счастливые трусы, но не от его спины отрикошетит мяч, оказывающийся затем в воротах. Болельщики корят себя: «Ведь знал же, что надо стоять, а не сидеть на диване, это работало в первой половине матча» или «Если б я не потерял тот шарф, сейчас все было бы хорошо...».

Приток иностранцев в британскую игру несколько меняет наши традиции. Все больше игроков, выбегая на поле или радуясь голу, тычут в небеса, что, надо полагать, связано с их благодарностью всемогущему, а не с любовью к кучево-дождевым облакам или летящим в сверхскоростном самолете пассажирам. Даже не слишком религиозные футболисты время от времени пытаются задобрить небо. Что и говорить о верующих. В «Портсмуте» Линвой Примус и Даррен Мур молились перед каждой игрой. На «Фраттон Парке», домашнем стадионе команды, установили молитвенную комнату. Однажды к ним присоединился Джермейн Дефо. Мы здорово удивились, ведь до сих пор никто из нас не слышал о его особой привязанности к Богу. Но когда ты начинаешь что-то делать, а за этим следуют голы и успех, ты начинаешь верить, что твои действия помогают, и пусть в глубине души ты осознаешь, что связи может и не быть, отказаться уже просто невозможно.

Игрок: Лоран Блан

Суеверие: Перед матчами на чемпионате мира 1998 года поцеловал лысую голову своего напарника по сборной Франции вратаря Фабьена Бартеза.

В чем суть: Согласно легенде, это суеверие принесло Франции чемпионский титул. Его происхождение можно понять – у Бартеза самая пригодная для поцелуев голова в команде и почти идеальный рост для более высокого Блана. Блан попробовал раз чмокнуть лысину Бартеза, и вуаля: следующий матч их команда-неудачница выиграла. Конечно, он не мог рисковать и бросить это дело, ведь на домашнем чемпионате мира команда просто не могла ударить лицом в грязь.

Но тут еще вот в чем дело: поцелуй удачи нельзя кому-то делегировать. Сработала именно такая комбинация, сработала блестяще, но вряд ли Райан Шоукросс теперь бросится целовать Джека Батленда, не говоря уже об обратном. Харри Магуайр и Джордан Пикфорд? Я так не думаю. Поцелуи – французская классика. Во Франции мужчины целуют друг друга и в обычной жизни. Конечно, английский футбол сильно изменился за последние 20 лет, но он все-таки не такой.

Игрок: Томми Элфик

Суеверие: Бывший игрок «Брайтона» и «Борнмута», а после защитник «Виллы» держится за штангу перед каждой игрой.

В чем суть: А кто его знает? Интересно, как долго надо держаться?

Игрок: *Пол Инс*

Суеверие: Последним выходит из туннеля перед игрой, не надевает майку, пока не дойдет до поля.

В чем суть: Я понимаю все эти загоны про выход последним. Выглядит круто. Ты кажешься самым главным: «Не волнуйтесь, ребята, идите вперед, я подстрахую на случай опасности». Традиционно последним выходит лучший игрок – по крайней мере, тот, который считает себя лучшим. Капитан ведет команду, он впереди. Какое приметное место еще остается? Никто не запомнит парня, выходящего четвертым или девятым. Но со стремлением выглядеть круто надо быть осторожнее: Коло Туре из «Арсенала» однажды пропустил начало второго тайма в матче Лиги чемпионов против «Ромы», потому что ждал, когда выйдет Вильям Галлас, чтобы быть последним. Но Галлас-то уже был на поле. Неловко.

По поводу майки: ее снимают те, кому есть чем похвастаться. Если ты не в хорошей форме, ты этого не сделаешь. В таком случае можно выбрать иное суеверие – например, покидать раздевалку можно только в полной боевой амуниции, нагруднике и еще, пожалуй, куртке для запасных игроков. И на вдохе.

Игрок: *Гари Линекер*

Суеверие: Отказывается бить по воротам во время разминки.

В чем суть: Вам может показаться смешным, но Гари, по-видимому, боится растратить свои голы, будто тело нападающего способно на ограниченное количество точных ударов. Что тут сказать, пока что он не растратил впустую ни одного гола. Гари забил за сборную Англии сорок восемь раз и считался бомбардиром-рекордсменом страны, пока его не обогнал Уэйн Руни. За свою карьеру Гари забил 238 голов в чемпионатах дома и за рубежом, он первый в истории англичанин, выигравший «Золотую бутсу» как лучший бомбардир на чемпионате мира. Раз все работает, зачем критиковать?

Игрок: *Энди Коул*

Суеверие: Отказывается разминаться на поле.

В чем суть: Когда я был мальчиком, подающим мячи в «Челси», я одержимо изучал каждого игрока в стремлении чему-то научиться. Всякий раз, когда «Манчестер Юнайтед» приезжал на «Стэмфорд-Бридж», я искал Коула, но ни разу не увидел его до начала матча. Когда к «Стоку» присоединился бывший полузащитник «Юнайтед» Даррен Флетчер, я спросил его об этом. Выяснилось, что до свистка Коул не дотрагивается до мяча. Вместо этого он разминается в раздевалке: бегаем на месте, выполняем прыжки и упражнения на растяжку.

За свою карьеру Энди Коул забил 293 гола. Он выиграл Лигу чемпионов с «Юнайтед», пять чемпионатов Премьер-лиги и два Кубка Англии. Смог бы он сыграть лучше, если бы выходил попинать мяч перед матчами? Гольфист, вероятно, смог бы. Недаром перед каждым раундом профессионалы тренируются возле лунки, «разминая» свой сильный удар. Вспоминается Фрэнк Лэмпард, который пробивал десять ударов с одиннадцати метров в конце каждой тренировки. И Дэвид Бекхэм, забивший сенсационный штрафной в последние минуты матча против Греции в 2001 году, потому что он делал это изо дня в день на тренировках. Однако то были тренировки. На тренировках Коул выкладывался по полной, как и они. Но с наступлением игрового дня его тренировочная работа заканчивалась.

Игрок: *Йохан Кройф*

Суеверие: Будучи игроком «Аякса», Кройф шлепал своего вратаря Герта Балса по животу перед матчем. А потом плевал жевательной резинкой на сторону соперника.

В чем суть: Удивительно, с чего все это иногда начинается. Бывший игрок второго ряда «Лайонс» и сборной Уэльса по регби Делме Томас перед игрой опрокидывал большой бокал

хереса, добавив в него два сырых яйца. Как он додумался добавлять яйца в херес? Не говоря уже о том, как он решился взять бутылку хереса на игру. Начал ли он сразу с двух яиц или сначала с одного, а затем подумал: отличный вкус, но мне стоит добавить побольше яиц?

То же и с Кройфом. О чем подумал Герт, когда самый креативный футболист всех времен подбежал к нему и впервые хлопнул по пузу? Согнувшись пополам от боли, удивленный вратарь смог лишь выдать: «Йохан... за что?»

Ну со жвачкой все ясно. Это территориальное. Он кот, помечающий свою территорию. Горный лев. Это моя половина. Держись от нее подальше. И после проверь подошву своих бутс.

Игрок: *Пеле*

Суеверие: Эдсон Арантес ду Насименту, назову его полное славное имя, однажды отдал свою майку болельщику. Когда удача стала ему изменять, великий футболист отправил друга на поиски того фаната счастливой футболки, в которой он забил столько славных голов. Приятель не смог ее найти, поэтому принес Пеле такую же, только новую, сказав, что она – та самая. Пеле поверил, обрадовался и снова начал забивать, наколотив еще несколько из своих феноменальных 1283 голов.

В чем суть: Я всей душой сочувствую Пеле. Раньше я возлагал схожие надежды на пару бутс, но все покатило в тартарары, когда обувные спонсоры решили выдавать нам свежую пару на каждый матч. Я парень старой закалки. Мне нравилось выступать в одних бутсах весь сезон. Нелегко забивать в одной обуви, а затем сразу выбрасывать ее, но мне пришлось адаптироваться.

Носки для футболистов нынче идут левые и правые. На одном стоит буква «Л», на другом – буква «П». Чтобы надеть правильный на каждую ногу, за этим приходится следить. И вот приходишь ты с матча, где играл особенно хорошо, снимаешь носки и обнаруживаешь, что случайно надел две буквы «Л». То есть у тебя было две левых ноги – и это тебе вполне подходит.

В прошлом сезоне все поменялось. Буква «Л», обозначающая «левый», осталась снизу, но появилась еще одна буква «Л», которая означает «большой» (от англ. Large. – *Прим. ред.*). Меня это сбивает. Я все время думаю, что снова напялил два левых носка и что мне это несет, удачу ли или катастрофу? Мне нужна пара больших или супербольших? Со всей этой неразберихой не пропустить бы, как Коло, начало игры!

Вам кажется, что носки не имеют никакого значения? Но ведь и игроки в бильярд имеют предпочтения, выбирая кий, свой главный инструмент. У футболистов все то же самое. Если бы мне пришлось надеть бутсы меньшего размера, я бы почувствовал, что обрабатываю мяч хуже обычного. Некоторые мои товарищи в молодежной команде носили по две пары носков. Я попробовал этот трюк, но мне показалось, что в результате моя обработка мяча стала слишком прыгучей. А еще я не мог хорошо контролировать мяч.

Игрок: *Серхио Гойкочеа*

Суеверие: Мочился на поле.

В чем суть: По общему мнению, все началось в четвертьфинале чемпионата мира 1990 года. Аргентинского вратаря поймали с поличным незадолго до серии пенальти против Югославии. Отчаявшись уйти после 90 минут обычного времени и получаса дополнительного, он украдкой окропил поле, а затем стал героем той серии пенальти. Когда нарисовалась еще одна серия против Италии в полуфинале, Гойкочеа сделал это снова. Еще одна победа Аргентины. С того момента перед каждой серией пенальти он приспускал в свои шорты.

Нет ни одного фото или видео того, как Серхио Гойкочеа перевоплощался в Серхио Писуна, что оставляет пространство для всевозможных спекуляций. По неизвестным причинам мужчинам трудно мочиться в одиночестве. Это все равно что заехать на пустую парковку, где припаркован лишь один автомобиль: ты обязательно запаркуешься рядом с ним. Поэтому

мне сложно представить, как Гойкочеа нагло стоит на D-образной линии штрафной зоны или на линии ворот, куда вскоре нырнет за мячом, – и писает. Стойка ворот, как мне кажется, здесь подходит больше – по крайней мере, она напоминает фонарный столб; а еще больше подходит угловой флажок, ведь у вратаря нет абсолютно никаких шансов оказаться в траве возле углового флага.

Может быть, он мочится повсюду, как кот, помечающий свою территорию, как и голландская легенда, которая плюется жвачкой. Еще раз: самое главное, что все это, похоже, сработало. Серхио был выбран вратарем турнира за то, что выиграл две серии пенальти на чемпионате мира и спас свою команду от Андреаса Бреме, который принес Германии победу в финале. В суевериях всегда найдется логика, если искать ее достаточно усердно.

Игрок: *Гари Невилл*

Суеверие: Не менял лосьон после бритья, пока «Ман Юнайтед» побеждал.

В чем суть: Конечно, непосредственно с полем это суеверие не связано. Один из моих недавних товарищей по команде поливал лосьоном после бритья свою экипировку перед каждым матчем. Конечно, мы его за это ругали. Уж если чем-то пахнуть на поле, то неприятно, так, чтобы никто не захотел приблизиться и начать тебя опекать. Видимо, во время углового кто-то из соперников поравнялся с ним, понюхал воздух и одобрительно кивнул: «Ух ты, хорошо пахнешь, чем пользуешься?»

Именно тогда я понял, что игра, в которую я играю и которую люблю, развивается. Меняется. Лично мне тот одеколон приятным не казался. Этот запах сохранялся в автобусе через несколько часов после матча. Сам я не пользуюсь подобными штуками. Я предпочитаю пахнуть мужиком.

АВТОМОБИЛИ

Мне 24 года, меня только что приняли в команду действующего чемпиона Европы, и мне немного сорвало башню. Я купил себе «Астон Мартин», и вот я уже еду по району Хейл-Барнс в Манчестере в солнцезащитных очках, опустив стекло и выставив в окно локоть, небрежно рулю двумя пальцами, а из стереосистемы грохочет спид-гараж.

А ведь я даже не люблю такую музыку! Об этом мы позже еще поговорим. Не уверен, что мне нравилась и та машина. Навязчивый голосок где-то в глубине моего сознания продолжал твердить, что «Астон Мартин» – на самом деле не я. Но куда более громкий голос уверял, что игрок сборной Англии, выступающий за «Ливерпуль», должен менять старые привычки. Главный голос: «Питер, ты никогда не выглядел круче.» Тихий голос: «Питер, ты чудовищный идиот.» Потому-то я и езжу туда-сюда, пытаюсь убедить себя, что похож на персонажа Стива Маккуина или Дэниела Крейга, и игнорирую старого Питера, превращаясь в того, кем поклялся никогда не быть. Я останавливаюсь на светофоре, и рядом со мной останавливается машина с Роем Кином за рулем.

Ага, вот человек, который понимает меня. Фантастический футболист, обладатель нескольких титулов Лиги, Кубков Англии и Кубков Лиги, а также Лиги чемпионов, капитан и сердце «Манчестер Юнайтед» в самый успешный период ее истории. Я киваю ему. Я ему подмигиваю. Я даже готов тыкнуть в Роя указательным пальцем, одновременно прищелкнув большим, как бы говоря: «ты и я, а, Рой? Та же игра, тот же уровень. Мы вместе. Соперники, но все же друзья, которые просто не встречались раньше. Здорово, Рой?»

Он смотрит на меня. Даже сквозь темные очки я могу разглядеть отвращение на его лице. Как будто он смотрит на то, что только что выпало из задницы его пса Триггса. Рой качает головой и отворачивается. Я застываю в своей позе, улыбка сползает с моего лица. Цвет светофора меняется, и он уезжает без оглядки, а я так и стою посреди улицы, внезапно осознав, что, боже, я же стал одним из этих звездюков!

Я продал «Астон Мартин» на следующий день. Выручил за него 25 тыс. фунтов и счел себя счастливым. А все из-за Роя Кина – Роя, голоса моей отсутствующей совести, Роя, духовного наставника современного футболиста.

Тот момент на светофоре был лучшим, что когда-либо случалось со мной. Если бы я оставил машину, то каждый день ненавидел бы себя все больше. Даже в тот короткий период, что я владел ею, мне не хотелось ездить на ней на тренировочную базу в Ливерпуле, потому что я чувствовал себя непристойно, давя на газ крутой тачки в бедных районах близ Мелвуда, словно бы тыча в нос всем болельщикам «Ливерпуля» тем, сколько денег я зарабатываю. А отправившись на ней в магазин, я чувствовал себя дураком, ведь кто приезжает за молоком и буханкой хлеба в спортивной тачке, которая разгоняется с 0 до 60 миль в час быстрее, чем кассир сканирует карту лояльности?

Я все равно что купил очень яркую новую рубашку в дорогом бутике, где у каждого предмета одежды есть собственная полка: в глубине души я понимал, что это все не про меня, что я притворяюсь кем-то другим. И хотя я выгляжу новой, лучшей версией себя, в действительности надевать такую рубашку совсем не хочется. Но я все равно ее надеваю, потому что она так дорого стоит, а когда выхожу из дома, мне жутко некомфортно, и вся уверенность в себе улетучивается. И я смотрю в зеркало и вижу человека, которому так и хочется врезать, и всю дорогу мечтаю лишь о своем старом добром джемпере с дыркой под мышкой, который замечательно справлялся со своей работой последние четыре года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.